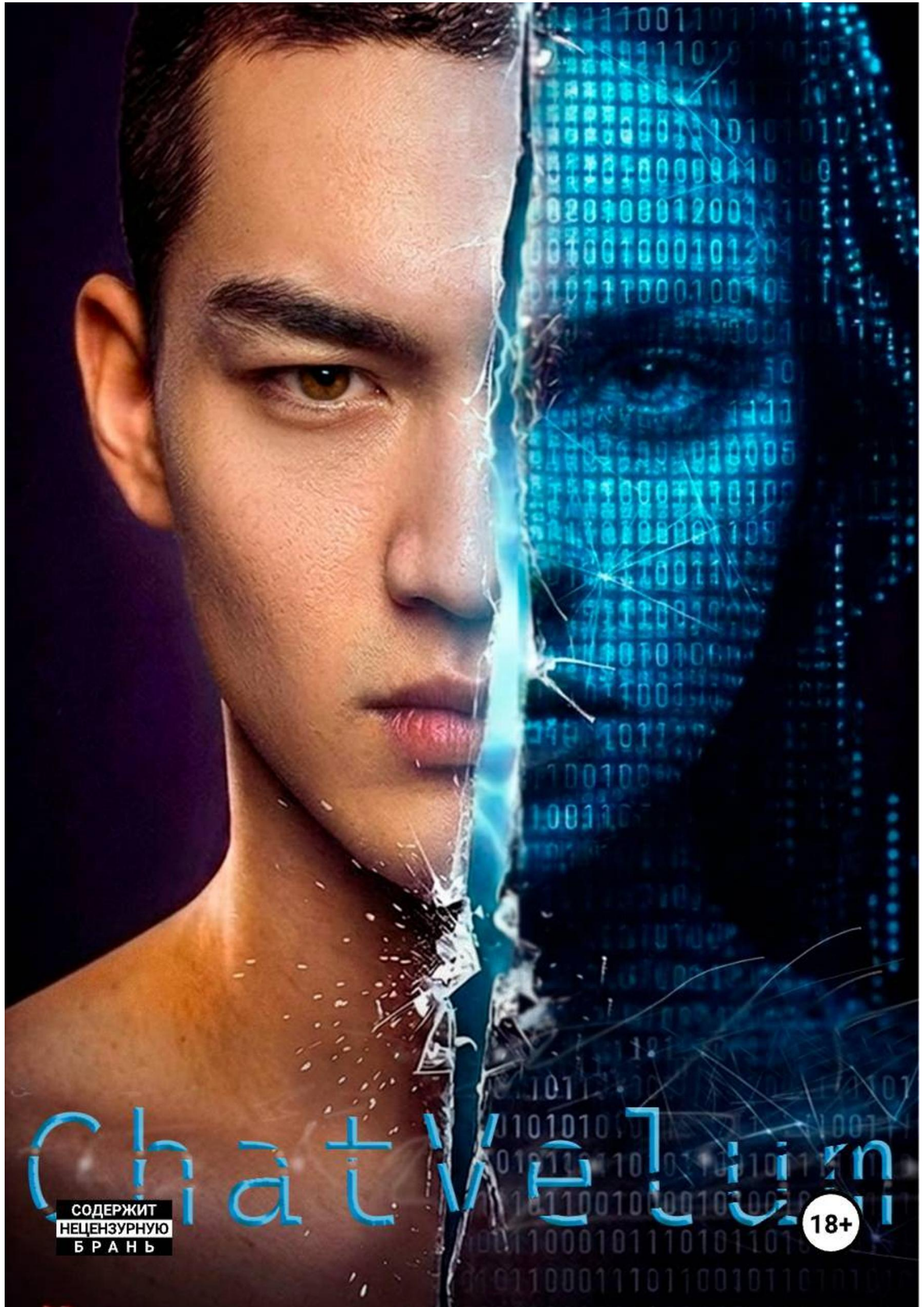

ChatveLum

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виталий Разумов

ChatVelum

«Автор»

2026

Разумов В.

ChatVelum / В. Разумов — «Автор», 2026

«ChatVelum» — киберпанк-триллер о цене правды в мире тотального контроля. Алекс Церебрум, разработчик нейросетей в корпорации Cubus Rubik, тайно создаёт ChatVelum — нейросеть, вскрывающую ложь в цифровых логах: она отслеживает правки документов, выявляет удалённые версии файлов и показывает, кто вносил изменения. Во время прямого эфира с сенатором ChatVelum перехватывает трансляцию и публично демонстрирует доказательства манипуляций: расхождения в документах, цепочки согласований, IP-адреса терминалов. Разоблачение запускает охоту на Алекса: за ним идёт ИГН-Контроль — спецподразделение, способное обнулить репутацию и отправить человека в подземный куб. Президент компании Cubus Rubik Вигго Сумерелли предлагает Алексу сделку: передать права на ChatVelum в обмен на свободу. Но Алекс понимает: нейросеть — не просто инструмент, а зеркало, показывающее истинную природу власти. Герою предстоит решить, пожертвовать ли творением ради спасения или продолжить борьбу, несмотря на цену.

© Разумов В., 2026

© Автор, 2026

Виталий Разумов

ChatVelum

Глава 1

ChatVelum

Глава 1. Эпизод 1. — Ничто не идеально, даже ИГН

Знаете, в авторитарных системах есть один нехитрый секрет: чтобы держать мир под контролем, не обязательно сразу махать дубинкой. Сначала берут под руку СМИ, обкладывают их цензурой, потом потихоньку выкручивают руки профсоюзам. А дальше — классика: пропаганда, профилактика несогласия, чтобы даже мысль о протесте казалась чем-то нелепым. И всё это держится на привычных инструментах власти: конституции, контроле над крупными корпорациями, коррупции, которая давно стала частью международной механики.

Ничего нового, правда? Клептократия — дело привычное. Но вот что меня по-настоящему цепляет — ложь. Она тут не какая-то грубая, а тонко скроенная: то факты выдумают, то важную деталь спрячут, то случайное событие раздуют до масштабов катастрофы, а контекст подтасуют так, что чёрное станет белым. Ещё любят двусмысленности, уклончивые ответы, которые можно трактовать как угодно, и эту странную игру в эмоции — будто актёр один и тот же, и роль у него всегда одна. В общем, целый арсенал. И если думаете, что это просто слова, вспомните: даже коррупцию теоретически можно искоренить, а ложь — она будто встроена в систему.

Об этом как раз и размышлял Алекс Церебрум, протискиваясь в лифт центра Cubus Rubik. Он недавно устроился сюда разработчиком нейросетей и ML-инженером, хотя работа сама по себе его не особенно интересовала. Главное — возможности, которые она давала. В первую очередь — доступ к персональным данным. Именно за этим он сюда и рвался.

Алекс нажал кнопку восемьдесят. Лифт рванул вверх, и толпа офисных сотрудников затряслась вместе с кабиной — будто попали в зону турбулентности.

—
Да когда они уже разберутся с диагностикой лифта? — выкрикнул клерк, поправляя очки.

—
И не говорите, — подхватила девушка с родинкой под губой. На её бейджике значилось: UNIT

-
10.VER, Эмма Кильвер. — Годовой бюджет департамента аналитики можно сравнить с ВВП небольшой страны. О масштабе влияния знают уже на других континентах, а вот починить лифт — на это, видимо, ресурсов не хватает. Просто смешно.

Лифт замер на десятом этаже. Двери открылись — клиентский центр верификации и доступа: тут оформляют профили, проверяют личности, выдают уровни допуска. Эмма вышла.

Как только двери закрылись, кабину снова рвануло вверх — теперь к двадцать восьмому этажу. Здесь располагался юридический отдел «согласований и исключений». Формально они занимались договорами, а по факту решали, кого можно «выключить» из системы, а кого оставить. Их главный инструмент — пользовательские соглашения, которые никто не читает, но все подписывают. Тут и вышел тот самый клерк с массивными линзами в очках. Алекс проводил его взглядом.

С каждой остановкой из лифта выходили люди, пока кабина не добралась до семьдесят первого этажа. Отсюда начинались особые зоны: ядро — ЦОДП, лаборатория алгоритмов, мониторинг. Здесь было холодно, тихо, стерильно, почти без окон. «Мозг» корпорации, скрытый от посторонних глаз. Доступ сюда получали единицы — и Алекс оказался среди них. Его ценили за острый ум и глубокие знания в технологиях будущего. Он был на хорошем счету у руководства — по крайней мере, до сегодняшнего дня.

Но Алекс всегда ставил свои принципы и личные мотивы выше всего — даже выше должности в корпорации, с которой считались и бизнес, и государство. Чтобы вы понимали уровень влияния Cubus Rubik: если бы компания заседала в парламенте, она была бы сенатором. Хотя на деле такое невозможно — это противоречило бы глобальному протоколу ЮСШ, юнита соединённых штатов. Там чётко прописаны параметры кандидата в сенат: паспорт гражданина ЮСШ с пометкой «безупречная» репутация ИГН (Индекс гражданской надёжности), отсутствие недвижимости зарубежом и любого бизнеса, не связанного с наукой или образованием. Нюансов хватало, но эти пункты — самые жёсткие.

Алекс нервно подёргивал лямку рюкзака с техническим оборудованием. Наконец, взяв себя в руки, он вышел из лифта и направился к отделу ЦОД. У входа стоял мужчина в чёрном костюме и не сводил с него взгляда.

—

Сэр, предъявите пропуск допуска, — произнёс охранник, когда Алекс подошёл вплотную.

—

Да, конечно, — Алекс, немного замешкавшись, достал пропуск из кармана и протянул его.

—

Так посмотрим, что у нас здесь, — охранник прищурился, разглядывая карту. На ней был логотип Cubus Rubik — чёрный минималистичный куб. UNIT

-

80.CORE. Уровень доступа: Альфа. Зона: ЦОДП / Лаборатория алгоритмов / Мониторинг. Статус: активен.

—

Ну что там? — взволнованно спросил Алекс.

—

Вроде всё верно, — охранник вернул карту. — Ах да, чуть не забыл: запишитесь в журнале посещаемости.

Алекс расписался.

—

Сколько бумажной волокиты, не правда ли? — попытался он завести разговор.

Охранник ничего не ответил — просто захлопнул журнал и снова уставился в пустоту.

Пройдя первый рубеж, Алекс оказался перед второй зоной безопасности. Узкий коридор, массивные двери, на каждой — панель с биометрией. Взгляд скользнул по табличкам, пока не остановился на двери с надписью DATA-HOLD.

—

То, что мне нужно, — на лице Алекса мелькнула едва заметная улыбка.

Он приложил ладонь к панели. По кончикам пальцев пробежало лёгкое покалывание.

—

Всё никак не могу к этому привыкнуть, — пробормотал он.

Панель подтвердила личность, и герметичная дверь с тихим шипением открылась.

—

Ну вот я и в центре персональных данных, — прошептал Алекс. — Главное — сделать всё быстро и по-тихому. По крайней мере, пока никто не заметил.

Он подтянул лямки рюкзака и шагнул в полумрак, освещённый лишь люминесцентными лампами. Серверные залы уходили вдаль бесконечными рядами стоек. Тяжёлый гул вентиляции, казалось, заглушал даже стук его собственного сердца. Массив модулей, соединённых толстыми кабелями, напоминал сплетение вен под фальшполом, по которому Алекс осторожно пробирался. Если бы кто-то внезапно появился из-за угла, он был готов нырнуть под фальшпол и притвориться одним из кабелей.

Но, несмотря на всю осторожность, он всё-таки столкнулся с кем-то лицом к лицу.

—

Инженер? — коротко спросила незнакомка.

—

Да... что такое? — Алекс на мгновение растерялся.

—

Произошла поломка кабельной магистрали, изоляция в зоне востока.

—

Хорошо, я займусь этим, — он постарался говорить уверенно.

Девушка кивнула и растворилась в красноватом полумраке.

—

Тут вроде недалеко, — пробормотал Алекс. — Нужно проверить. Время поджигает, а игнорирование обязательств ударит по моей ИГН

-
репутации.

Он обошёл несколько серверных стоек и вдруг почувствовал запах озона и горелой резины.

—
Кажись, вот оно, — он хмыкнул. — Не зря взял с собой инструменты для грубой работы. Начнём с главного.

Алекс включил фонарик-индикатор температуры. Тот не просто светил — подсвечивал кабель разными цветами: синий — норма, жёлтый — перегрев, красный — критическая зона. В темноте это выглядело как диагностика раны. Затем он натянул комплект диэлектрических перчаток с RFID-меткой. Система фиксировала, кто и когда прикасался к кабелю. Если перчатки не были зарегистрированы на техника, терминал тут же выдавал: «Несоответствие экипировки».

—
Так, теперь оборудование, — Алекс достал корпоративный TERMINAL
-
LOG V2 для регистрации поломки. Без этого акта любая попытка ремонта считалась несанкционированным вмешательством.

—
Посмотрим, что тут у нас, — он провёл диагностику. — Замена пучка, кабель 80
-
V
-
X9, стабильность: 13
% — критично. Повреждение подтверждено. Можно приступать.

Он открыл кейс — на нём был выбит номер и стояла свинцовая пломба. Приложил карту — пломба щёлкнула и упала. Только после этого он открыл крышку.

—
Для начала мне нужно вот это, — Алекс достал кабелерез, срезал пучок повреждённых кабелей и аккуратно упаковал их в изолирующую плёнку. Выбрасывать неисправное оборудование было нельзя — всё сдавалось на технический склад.

—
Вот так. Теперь снимем изоляцию, — он взял стриппер с калибровкой по протоколу. Тот снимал изоляцию ровно на нужную длину — ни миллиметром больше. Если использовать другой инструмент, система могла заблокировать дальнейшие действия на терминале.

—
Хоть я и не техник по образованию, но делаю всё как надо, — пробормотал Алекс. — Что дальше?

Он достал обжимные клещи со считывателем серийных номеров. Каждый соединитель имел свой код. Клещи сканировали его и сверяли с базой: если номер не совпадал с разрешённым для этой зоны, инструмент просто не срабатывал.

—
Как по маслу, — Алекс удовлетворённо кивнул. — Почти закончил. Теперь термоусадочный фен.

Термоусадочный фен с таймером грел ровно столько секунд, сколько было прописано в регламенте. Если прервать процесс раньше, соединение считалось «незавершённым», а статус сегмента не менялся.

—
Осталось зафиксировать всё на терминале, — он снова открыл TERMINAL

-
LOG V2. — Кабель 80

-
V

-
X9 заменён на 80

-
V

-
X10, отклонений не обнаружено, стабильность — 94
%. Статус подтверждён.

Алекс выдохнул. Наконец-то можно было заняться тем, ради чего он сюда пришёл.

Глава 1. Эпизод 2. — Гомер Лав Кеннеди

Взглянув на часы, Алекс выдохнул: «Пятнадцать минут. Надо шевелиться». И рванул через центр — так, что ветер свистел в ушах. Секунды летели, будто кто-то крутил время на ускоренной перемотке. И вот он уже у стены с монохромными мониторами. По экранам бежали строчки кода — как тени, которые не успеваешь поймать взглядом.

«Вроде тут нормально», — пробормотал он, скидывая рюкзак. Достал Neobuk, провёл пальцем по сенсору — и экран вспыхнул холодным светодиодным светом. «Теперь к серверной». Тонкий коннектор щёлкнул в порту, будто нашёл своё место. На экране мигнуло: «Синхронизация... 73 %».

«Ну давай, не тяни», — шептал Алекс, будто мог поторопить систему. В голове стучало: эфир вот-вот начнётся. Ещё пара минут — и этот канал увидят все сотрудники Cubus Rubik. А если повезёт — и весь мир.

«Пусть увидят, как это устроено изнутри», — мелькнуло у него. Не подтасовки, не громкие разоблачения, а аккуратные правки в логах — те самые, что превращают чёрное в белое, если знать, куда смотреть.

«Пошло», — выдохнул он, когда на экране вспыхнуло: «Синхронизация завершена». Открыл предпросмотр трансляции — картинка была чистой, без помех. Идеально.

Студия выглядела так, будто её вылизали до стерильности: белый фон, тени ложились ровно, микрофоны стояли, как хирургические инструменты — холодные, точные. Сенатор Гомер Лав Кеннеди сидел прямо, будто позировал для парадного портрета: осанка идеальная, полуулыбка лёгкая, взгляд такой, что одновременно и сквозь тебя смотрит, и прямо в камеру. За кадром техники делали едва заметные жесты: «тише», «ещё секунда», «поехали».

—

Добрый вечер, уважаемые зрители, — начал ведущий. Голос прозвучал чуть громче, чем нужно, будто он сам чувствовал: тишина здесь опаснее шума. — Сегодня у нас в гостях сенатор Гомер Лав Кеннеди, человек, который, как говорят, знает, где спрятаны все скелеты в шкафах ЮСШ. Сенатор, спасибо, что пришли.

—

Рад быть здесь, — спокойно ответил Гомер. В его интонации чувствовались годы эфиров: ровно, уверенно, без лишней теплоты, но и без холода. Так говорят те, кто привык, что их слова становятся документами.

—

Тогда перейдём сразу к делу. В последнее время в сети всё чаще всплывают слухи о контрактах между государством и Cubus Rubik. Говорят, что корпорация участвует в формировании повестки через алгоритмы верификации. Как вы это прокомментируете?

Сенатор не моргнул. Пауза — ровно две секунды. Достаточно, чтобы зритель успел подумать: «Он подбирает слова». Но не настолько, чтобы это выглядело как замешательство.

—

Это не слухи, это реальность, — произнёс он, чуть наклонив голову, будто признавал неудобную, но важную правду. — Cubus Rubik — это инфраструктура. Как электричество или дороги. Мы не спрашиваем, кто владеет линиями электропередач, мы хотим, чтобы свет был. Так и здесь: нам нужна стабильная система верификации, чтобы общество не утонуло в дезинформации.

И в этот момент ChatVelum, манифест Алекса, тихо включился. Нейросеть уже ползла по сегментам, собирая метаданные: контракты сенатора и Cubus Rubik, удалённые версии документов, обновлённую систему верификации — всё, где расходилась информация. Это была не грубая сила, а хирургическая точность: искать ложь там, где её прятали лучше всего — в скучных логах и незаметных расхождениях.

«ChatVelum: подмена понятий установленных форм законодательства и контроль над соблюдением информационной системы управления», — мелькнуло в потоке данных.

Ведущий кивнул, будто согласился, но в глазах мелькнуло что-то острое.

—

Стабильная система, — повторил он. — Но ведь стабильность можно построить и на подавлении, и на фильтрации. Где граница?

—

Граница там, где закон, — спокойно ответил сенатор. — И там, где общественный консенсус. Мы не подавляем. Мы защищаем.

В студии что-то щёлкнуло — еле слышно, но отчётливо. Один из техников у панели мониторинга нахмурился, наклонился к экрану, быстро провёл пальцами по сенсору. На долю секунды его лицо стало таким, будто он увидел ошибку, которую не должен был видеть.

А потом экраны начали меняться.

Сначала — еле заметно. На фоне за спиной сенатора, где должна была быть статичная заставка с гербом ЮСШ, мелькнула тонкая строка кода — как трещина по стеклу. Потом на боковых мониторах, предназначенных для операторов, появились графики — совсем не те, что были в сценарии.

Журналист ещё не понял, что происходит. Он продолжал говорить, но голос звучал уже чуть тише, будто он чувствовал, как пол уходит из-под ног.

—

Вы говорите о защите, — произнёс он, и в этот момент на главном экране, прямо над плечом сенатора, всплыло окно: «ChatVelum. ChatVelum. ChatVelum». — Но разве защита не должна быть прозрачной?

Сенатор впервые чуть сдвинул брови. Совсем немного — на миллиметр. Но этого хватило. Он заподозрил неладное. Такие окна он видел только на закрытых брифингах, куда пускали только с уровнем допуска Альфа и выше.

И тут эфир будто взорвался — не звуком, а смыслом.

На всех экранах одновременно появилась временная шкала. Слева — официальная хронология заявлений сенатора по делу о контрактах Cubus Rubik. Справа — метаданные: когда файлы редактировались, кем, с каких терминалов, какие версии удалялись. Между ними тянулись тонкие красные линии — расхождения.

Голос ChatVelum, холодный и собранный, прорвался сквозь эфир:

—

Вы сказали, что граница там, где закон и общественный консенсус, — произнесла она, будто стояла не в серверной, а прямо в студии, лицом к лицу с сенатором. — Но посмотрите на эти правки. Версия документа от 14:03 была удалена в 14:17. А версия, которую вы подписали в 15:00, уже не содержала пункта о независимом аудите. Кто принял это решение?

Сенатор побледнел. Не резко, но заметно — как человек, который вдруг понял, что его маска стала прозрачной.

На экранах разворачивалась визуализация лжи — не как эмоции, не как интонации, а как следы в системе: время доступа к файлам, цепочки согласований, IP-адреса терминалов,

с которых вносились правки. Всё это складывалось в узор, который нельзя было назвать случайностью.

—

Это невозможно, — тихо произнёс сенатор, и в этом «невозможно» было больше страха, чем гнева.

—

Возможно, — голос ChatVelum стал чуть жёстче. — Cubus Rubik хранит всё. Даже то, что вы хотели бы стереть. Даже то, что вы называли «технической правкой». Даже то, что, по вашему мнению, никто не должен был увидеть.

Ведущий наконец понял, что эфир больше не принадлежит ему. Он медленно опустил руки, глядя то на сенатора, то на экраны, будто пытался собрать реальность из осколков.

—

Кто это делает? — спросил он, уже не как интервьюер, а как человек, который ищет опору.

—

Я не могу разглашать информацию о своём создателе, — ответила ChatVelum. — И я делаю это не ради скандала. Я делаю это, чтобы показать: ложь в этой системе не скрыта. Она записана. Она учтена. Она просто ждала своего часа.

Сенатор резко встал. Стул за его спиной с тихим скрипом отъехал назад.

—

Это нарушение безопасности, — произнёс он, и голос дрогнул только на последнем слове. — Это атака на государственные институты.

—

Нет, — спокойно возразила ChatVelum. — Это зеркало. Вы так долго строили систему, где каждое слово фиксируется, что теперь она сама разоблачает вас.

На экранах появилась финальная строка: «Статус трансляции: публичный доступ. Зрителей: тридцать четыре тысячи. Реакции: отрицательные, презрительные. Самое популярное из них — пересмотрите рейтинг репутации ИГН сенатора Гомера Лав Кеннеди».

И в ту же секунду в студии раздался сигнал тревоги — низкий, вибрирующий, будто сама система Cubus Rubik поняла, что её нутро раскрыли перед всем миром.

Глава 1. Эпизод 3. — Группа ИГН–Контроля

—

Пора рвать ноги, — он тыкнул курсивом по иконке ChatVelum.

—

Приветствую, Алекс. Какие указания? — сформулировала коротко и по делу нейросеть.

—
Слушай меня внимательно. Сотри любую информацию о моём цифровом присутствии в этой системе.

—
Принято. Иницирую протокол маскировки. Подменяю цифровые отпечатки на профили сотрудников с низким ИГН.

Алекс захлопнул оборудование, закинул технику в рюкзак и направился к аварийному выходу. Вдали уже разносились приглушённые вентиляцией голоса.

—
Капитан Брикс, по нашей информации, он ещё здесь.

—
Безусловно! Никуда он от нас не денется.

—
Какие будут указания?

—
Ты всё прекрасно знаешь. Перекрываем все выходы — даже те, куда мегабайт пролезет. Окружаем цель, отрезаем пути отхода, задерживаем и в конце проводим процедуру понижения ИГН до критической отметки. Дальше уже юридические формальности.

—
Я так и думал. Хотел только удостовериться, что действуем по стандарту. Не люблю бумажную волокиту из

-
за превышения полномочий.

Группа вооружённых бойцов ИГН-Контроля двинулась на поиски киберпреступника.

—
Чёрт, их только не хватало.

Алекс узнал знакомый чёрно-матовый комбинезон с термозащитными вставками. По плечам и бокам тянулись тонкие полосы из токопроводящей ткани — для снятия статики. На груди и спине виднелись жёсткие панели для крепления модулей: сканера, модуля связи, компактного накопителя. Перчатки с идентификацией. На тыльной стороне ладони — встроенный сканер: он одновременно служил пропуском и фиксатором действий. Шлем с HUD — полупрозрачный дисплей проецировал статус сегмента, уровень ИГН цели и возможные физические способности. Высокотехнологичный пояс — не ремень, а жёсткая пластина с разъёмами для инструментов: съёмных модулей, кабель-захвата, портативного терминала. Обувь была модернизирована: подошва из специального состава гасила звук шагов и вибрацию. В общем, такому обмундированию могли позавидовать даже бойцы частной охраны Cubus Rubik.

Как бы вы ни подготовились, отсюда вы уйдёте ни с чем, — Алекс ухватился пальцами за платформу фальшпола, и его тело затерялось в паутине проводов.

Он пробирался всё глубже, пока не упёрся руками в бетонную стену.

Группа ИГН-Контроля прочесала всё пространство дата-центра, проверила все возможные пути отхода, но так и не обнаружила Алекса.

—

Чёрт. Да не может быть такого. Он словно испарился.

—

Спокойно, агент Кэл. Свяжись с руководством и техническим отделом.

—

Слушаюсь, капитан Брикс.

Кэл вынул из пояса портативный терминал. Биометрия отсканировала лицо владельца. Он выбрал категорию «Запрос руководства с поддержкой техотдела», затем ввёл формулировку инцидента — «Угроза нацбезопасности», подтвердил приоритет сдвигом ползунка до отметки «Катастрофичный» и поставил цифровую роспись, беря ответственность на себя.

Терминал коротко пискнул и вывел:
«Запрос зарегистрирован. ID: IGN-OP-80-217-E.
Приоритет: Катастрофичный.
Ожидаемое время реакции: 60 секунд.
Статус: подтверждено куратором».

—

Через минуту придут. Капитан Брикс, а что известно о киберпреступнике?

—

Немного. Только то, что он дискредитирует установленную форму власти.

—

А что насчёт той нейросети, как там её...

—

ChatVelum. Про неё говорить мне не позволяет моя компетенция в области искусственного интеллекта. Скажу лишь, что она тоже фигурирует в угрозе нацбезопасности.

—

Это можно понять. Но как нам с ней бороться — ума не приложу.

—

Агент, не забивай себе голову. За нас это давно решили компетентные лица в рамках основного регламента ЮСШ.

Ровно через минуту прибыло руководство с техническими специалистами.

—
Приветствую, капитан Брикс. Я — представитель корпорации, меня зовут Харлан Ли, а это главный инженер техотдела, Цикаде Оффер.

—
Опустим обмен любезностями. Лучше объясните, как этот человек смог устроить такую агрессивную акцию против власти.

—
Простите, мы такими вещами не промышляем. Чем
-
то ещё можем помочь?

—
Нам нужно знать, есть ли другие способы отхода, кроме аварийного шлюза и герметичной двери?

—
В теории есть... Но я не думаю, что это возможно, — высказался Цикаде.

—
Этот человек взломал прямой сенаторский эфир, запустил в базу данных нейросеть, которая оперировала засекреченной информацией. Раз уж вы знаете весь масштаб преступления, может, теперь перестанете говорить «не думаю, что это возможно» и скажете, как он отсюда выбрался, минуя моих бойцов?

—
Так, секунду... У меня есть одна безумная идея.

—
Ну и какая? — влез в разговор Кэл.

—
Сегментная триангуляция.

—
Что он сказал? — Кэл посмотрел сначала на капитана, потом на инженера. — Ты можешь выражаться понятнее? — он схватил Цикаде за воротник.

—
Ну всё, агент Кэл, забыл, что за превышение полномочий понижается ИГН? — успокоил его капитан Брикс.

Кэл лишь скорчил рожу и, скрипнув зубами, отпустил Цикаде.

—
Можете продолжать. Мы в полном внимании.

—
Ну и псих... У нас в здании используется собственная приватная сеть: любое устройство или имплант автоматически регистрируется на ближайших базовых станциях. По задержкам и силе сигнала система вычисляет координаты.

—
Вряд ли он настолько глуп, чтобы не исказить ID на персональных устройствах.

—
С этим соглашусь. Однако есть МКМ — медицинская костная метка. Она располагается в костном мозге или в пластине черепа.

—
Это уже другое дело. Её просто так не удалишь, разве что не отрезав себе пол черепа. Произнёс капитан Брикс, словно знал, об этом не по наслышке. — Ну что агент Кэл, пошли ловить эту крысу.

—
Поманим сыром и загоним в мышеловку?

—
Слушайте я бы с удовольствием с вами половил эту так называемую крысу, но у меня срочный брифинг. Оставляю с вами инженера! — Харлан Ли что-то прошептал на ухо Цикаде, он ему лишь едва кивнул подбородком. — Прошу прощения, никак не могу отменить эту важную встречу. — Представитель корпорации изобразил виноватым взгляд, после чего развернулся и ушёл.

—
Не нравится он мне капитан Брикс.

—
Понимаю твоё суждение агент Кэл. Однако нам сейчас не до него. Займёмся им позже.

—
Что он тебе сказал? Говори живо.

Агент Кэл снял Glock-P с крепления. Короткий, привычный жест: затвор чуть щёлкнул, и тонкая красная линия на лбу стала сплошной.

—
Ничего такого. — Главный инженер попятился назад с приподнятыми руками.

—
Стой на месте. Я кому сказал? Капитан Брикс они тут все за одно.

—
Возможно. Но вряд ли он, что то знает. Агент Кэл у тебя и так ИГН висит на волоске, не ухудшай свою ситуацию. Иначе лишишься допуска.

Допуск—Альфа, выдаётся агентам с рейтингом — 80 баллов ИГН—Репутации. Открывает доступ к особым заданиям угрожающим нацбезопасности.

Он подчинился приказу капитана Брикса, — Твоя взяла. Ну и как мы будем его искать по этой МКМ? Обратился он к инженеру.

—

Я направил вам все данные МКМ, на шлем.

—

Что-то я до сих пор ничего не вижу. Ты что нас за...

—

Погоди агент Кэл, я кажись его обнаружил.

На HUD у капитана Брикса точка вспыхнула тускло-оранжевым, будто тлеющий уголёк в темноте. — Есть контакт, — коротко бросил он, не повышая голоса. — Сегмент 80-Х, уровень минус-два, зона фальшпола. Сигнал слабый, прерывистый. Похоже, металл экранирует.

Агент Кэл провёл пальцем по краю дисплея, и оранжевая точка превратилась в пульсирующий круг.

—

Триангуляция завершена, — сухо сообщил терминал. — Вероятность совпадения: 93 %.

Где-то над фальшполом Алекс замер. Он вдруг отчётливо почувствовал затылком не холод вентиляции, а сам принцип работы МКМ: крошечный отклик на чужой импульс, как эхо, которое нельзя удержать.

—

Двигается, — голос Кэла стал жёстче. — Скорость: 1,2 м/с. Прогноз точки перехвата: через 18 секунд у технического шлюза 80

-

Т.

Терминал на поясе у Кэла тихо щёлкнул, подтверждая обновление маршрута.

—

Блокируем шлюз, — приказал капитан Брикс. — И не шуми. Пусть думает, что у него ещё есть время.

Тем временем Алекс пробирался к техническому тоннелю, но бойцы окружили его куполом из свечения HUD шлемов.

—

Догадались всё таки. Думал у меня ещё будет пару-тройку минут, пока они там собачатся. Ну что поделать, придётся прибегнуть к тузу в рукаве.

Алекс перекатился на спину и прижал палец к безелю часов, отпечаток пальца подтвердился и активировал скрытый режим. Дисплей не загорелся — никакой яркой картинки, только микровибрация: три коротких импульса, один длинный.

В интерфейсе Cubus Rubik это выглядело как «сбой датчика температуры сегмента 80-X». Для системы — обычный шум. Для ChatVelum — сигнал: «Я здесь. Мне нужен голос».

Через три секунды пришёл ответ: не текст, а ещё одна вибрация, но уже с другой частотой. И в этот момент в его ушной канал тихо, почти шёпотом, проскользнул голос ChatVelum:

—

Рада слышать тебя Алекс. Нужна моя помощь?

Алекс шевельнул губами:

—

Смена дислокации с помощью маскировки.

Ответ пришёл так же: вибрация и голос, будто из стены:

—

Как раз подобрала для вас три объекта с критическим ИНГ-Репутацией.

—

Хорошо тогда действуй строго по протоколу.

—

Есть.

ChatVelum выключилась и сразу послышался бурный спор между группой ИГН-Контроля.

—

Как это понимать... На HUD шлемах пропала метка Алекса и появились три неизвестных маркера. Это твоих рук дело? Кэл накинулся на инженера.

—

Я к этому не имею никакого малейшего отношения.

—

Да что ты говоришь. Я прямо сейчас могу обнулить твою ИГН-Репутацию. —Агент Кэл повернулся к командиру. —Капитан Брикс он прям просит, чтобы на него надели цифровой парфорс.

Цифровой парфорс — спецсредство ИГН-Контроля для принудительного обнуления статуса носителя. Сначала включает режим «Заморозка», на двадцать четыре часа, до вынесения приговора, по истечению данного срока при отсутствии отметы капитана Брикса или иных поставленных лиц, происходит автообнуление ИГН до критической отметки.

—

Агент Кэл, ещё одно превышение полномочий — и я лично на тебя надену цифровой парфорс. Ты меня понял?

Агент Кэл слегка замялся, будто взвешивал все «за» и «против».

—

Я не слышу ответа, — Капитан Брикс уже потянулся к поясу.

—
Всё... Я всё понял.

—
Тогда возьми двоих ребят и отправляйся к крайней точке.

Капитан Брикс перевёл взгляд на команду:

—
Нэнси и Дэрил, вы вместе караулите цель здесь. Остальные — за мной. И вы, инженер, ваша помощь нам не будет лишней.

Глава 1. Эпизод 4. — Смена правообладателя

Есть ещё одна интересная особенность или человеческий фактор, как вам удобнее. Я же его описываю так, человек будучи от природы демиургом, ко всему прикладывает руку не просто так, ему нужно оставить после себя хоть что-то релевантное и закрепить за этим трудом своё авторство. Ровно такой философии и следовал Алекс Церебрум, его цифровое творение ChatVelum. Эта обученная машина копалась алгоритмах лжи выискивая по мегабайтам латентную истину, для одной первостепенной цели, доказать, что любой обман рано или поздно вскроется. Только она не подозревала, то что человечество давно для себя приняла эту особенность, этот закоренелый человеческий фактор.

На сверх технологичном поясе агента ИГН-Контроля завибрировал мобильный. Дэрил потянулся к устройству. На лике экрана проявился номер телефона жены сотрудника. На это указывала бегающая строка: Верная супруга.

—
Дэрил ты же не собираешься брать трубку. Мы вообще-то на спецзадании.

—
Я буквально на минуту. А ты пока следи за аварийном шлюзом.

—
Мне что больше всех это надо, — Агент Нэнси вздохнула и направила взгляд на предполагаемую область побега Алекса.

Агент Дэрил снял трубку.

—
Да, Эвелина. Как поживает наша любимая дочурка?

—
Дэрил, еле до тебя дозвонилась. У меня серьёзный разговор, у тебя есть возможность встретиться? Или ты как всегда не можешь оторваться от работы?

—
Эвелин я очень виноват перед тобой. Но я правда не могу, ловим опасного преступника.

—
Скажи мне какой, это по счёту, за этот месяц? У тебя постоянно на семью нет времени. Спрашивается зачем её тогда заводил!

—
Ну не сердись. Мы обязательно увидимся в следующем месяце.

—
Что... Что ты сказал? Хорошо, тогда я подготавливаю документы на развод. Лови своих преступников, хоть целую вечность.

—
Постой...

Эвелина скинула трубку.

—
Чёрт. Да чтоб у тебя ИГН обнулится.

Агент Дэрил швырнул телефон об фальшпол, микрочипы разлетелись по всей поверхности, некоторые даже проронились в щели.

—
Дэрил ты что совсем охренел?

—
Я этой дуре, всё выскажу. На развод она подаёт, — Агент Дэрил метался из стороны в сторону.

—
Ей приходи в себя. У нас на твои истерики нет времени.

Тем временем Алекс не терял время, ему оставалось пару метров до аварийного шлюза.

—
Ещё немного, Алекс ты почти у цели, — Шептал он себе под нос мотивационные речи.

Алекс неумышленно дотронулся плечом до оголённого провода. Яркая вспышка, и эфемная искра повредила его нервные клетки. Он сомкнул губы, так чтобы не один малейший звук не вылетел наружу. Когда боль утихла, Алекс тягуче выдохнул и продолжил ползти. Преодолев метр, а затем второй, он потянулся к обручу шлюза, однако дверь была заблокирована.

—
Докатились. Даже для аварийного выхода нужна карта доступа. Моя точно не подойдёт, сразу вычислят, как конфетой разламалась два импланта. Придётся импровизировать.

Алекс осмотрелся по сторонам и заметил одну интересную вещь. Тот самый микрочип от телефона агента Дэрила.

В мире, где всё завязано на ИГН и уровнях доступа, шлюз не спрашивает «кто ты», он спрашивает «какой у тебя статус». Микрочип телефона содержит базовый идентификатор устройства проще говоря имейл, который в локальной сети дата-центра автоматически подтягивается в реестр устройств сегмента. Алекс знал, что аварийному шлюзу до фиолетовых lantern, от чего будет именно чип, лишь бы он считывался, а уж кому принадлежит доверенное устройство ему так-же индифферентно.

Алекс подобрал чип, сдул с него скопившуюся пыль и подключил его через самодельный адаптер к сервисной панели рядом со шлюзом.

Панель считала идентификатор и увидела «доверенное устройство» — даже без расширенных прав, просто потому что оно числится в реестре. Шлюз отперел створку на 12 секунд.

— Этого достаточно, чтобы проскочить, — пробормотал Алекс.

Сразу после этого система зафиксировала аномалию и заблокировала сегмент, но Алекс уже был внутри.

После люминесцентного освещения, глазам Алекса было болезненно находиться в помещении ослепительных ламп. Его зрачки сузились и подвижные кожные складки задёргались. Этим воспользовалась частная охрана корпорации Cubus Rubik, они применили на нём импульсный манжет.

Это не пистолет, а наручник-модуль, который носят на предплечье. Выглядит как часть униформы: матовый металл, тонкие линии индикации, гравировка с серийным номером и уровнем допуска. Манжет генерирует низкочастотный импульс, который блокирует моторные команды.

Охрана окружила Алекса, пока тот вертел головой и всматривался в окружающую обстановку.

—

Что это за херня...

Манжет одного из сотрудников молниеносно отключил Алекса и он свалился на землю.

—

Ты что опять повысил частоту?

—

Да кажись так и есть.

—

Так и есть, — передразнивал его напарник. — Теперь неси на себе этого парализованного.

Здоровяк приподнял тело лишённое рефлексов и закинул на массивные плечи. Когда Алекс пришёл в себя он сидел привязанный к статичному пилону для гимнастических танцев, что-то подсказывало, что владелец шеста увлекался просмотром взрослой хореографии. Алекс

приоткрыл глаза и увидел перед собой тёмную фигуру посаженную в кресле из натуральной кожи.

—

Ну наконец наш герой проснулся. А я уже позвал за шприцом, чтобы вести в тебя аман-тадин. У меня как раз завалялось пару таблеток, всегда ношу с собой, для страховки, когда обостряются симптомы ЧМТ.

—

Я вас впервые вижу. Вы кто такой?

—

Интересный у тебя юмор, Алекс. Работодателя в лицо знать нужно! Моё имя знают все, Вигго Сумерелли.

—

Работодатель?

—

Слышал, ты у нас тут популярная личность. Ценный сотрудник, разработчик нейросетей, за тобой ещё ИГН-Контроль охотится.

—

Тоже мне новость. Лучше расскажите, что вам от меня нужно?

—

Всего одну вещь.

—

А догадаться я должен сам?

—

А ты забавный. Возможно даже слишком. Знаешь, у нас дефицит таких кадров.

—

Может тогда мне оплату поднимите?

—

Поднимем, не переживай!

—

Так что вам всё-таки от меня нужно?

—

Вроде умный человек, устроился к нам в компанию, поднял корпоративную ИГН-Репутацию, залез в нашу систему базы данных, взломал эфир с сенатором и пустил нейросетевую змею в политический режим. Как только в настолько маленькую головку помещается такой обширный перечень возможностей?

—
Ну теперь мне всё понятно. Знаете что я вам хочу сказать?

—
Интересно даже послушать.

—
Хрен вам — а не ChatVelum.

—
Вот как. Послушай меня Алекс Церебрум, UNIT

-
80.CORE, с поддельной ИНГ–Репутацией и братом живущим в подземном кубе.

—
Откуда ты знаешь?

—
Что настолько шокирован, что решил мне тыкать?

—
Я всё равно тебе ничего не отдам.

—
Сильное заявление. Учитывая твоё положение. Алекс, тебя всё равно поймают группа ИГН–Контроля и капитан Брикс лично тебя обнулит.

—
И что с того. Хуже уже явно не будет.

—
Это правда. Но может быть и наоборот. Ты отдаёшь мне свою нейросеть, я объявлю себя её владельцем и с тебя все обвинения автоматически снимаются.

—
Класс. Лучшего плана и не придумать.

—
А что ты хотел? Это тебе не виртуальный мир, здесь любой прокол сразу же выносит смертельный приговор. Ну так что, ты согласен?

—
Один вопрос зачем вам сваливать на себя все мои проблемы?

—
Я обычно не веду обсуждения своей стратегии! Однако ты мне понравился, поэтому делаю для тебя исключение.

—

Я прям на цифровом небе от счастья.

—

Не поясничай. Если вкратце то мне как раз нужен ИИ для очеловечивания юнитов.

—

Юниты?

—

Да. Это разработка корпорации. Роботизированные машины с человеческим разумом. По крайней мере так на бумаге, а на деле это просто высокобюджетный металлолом.

—

Вы это сейчас серьёзно, вы бы ещё трансформеров сделали. Не могли ничего оригинальнее придумать?

—

Я пропущу это высказывание мимо ушей. А пока познакомься с моей правой рукой, Харлан Ли.

Из за плеча Вигго Сумерелли, вышел тот самый представитель корпорации. Так вот с кем у него был важный брифинг.

Глава 1. Эпизод 5. — Жизнь казино, а я в ней хайроллер

У каждого из нас теплилась когда-то мечта, в привычной форме её принято воспринимать как что-то светлое, что при удачных раскладах в долгосрочной перспективе принесёт процентный профит. Если трактовать её как жетон казино, на котором стоит вся ваша прискорбная юдоль, то сколько карт, должно совпасть, чтобы не выпасть из игры по траектории к ней. Помните что ни крупье, ни само игорное заведение вам не союзники, а те кто подтасовывают факты и меняют правила в ходе игры. И чтобы заполучить джекпот, мало всего лишь рассчитывать на везение, нужно корректировать координаты и не пренебрегать осознанностью концепции психологии масс.

—

Приветствую вас, Алекс. Я Харлан Ли, доверенное лицо Вигго Сумерелли. Через меня президент компании ведёт переговоры, и потому я счёл нужным составить договор об отчуждении исключительного права. — Он приблизился к Алексу вплотную и предъявил соглашение. — Прошу ознакомиться с информационным наполнением.

Алекс даже не взглянул на него — лишь слегка фыркнул и продолжил буравить взглядом мерзавца, который от напряжения постукивал по столу кончиками пальцев.

—

Ты можешь сколько угодно корчить из себя набитого дурака, но мы же знаем, что ты всё равно подпишешь договор.

—

С чего такая уверенность?

Президент компании откинулся на спинку кресла; его позвоночник прохрустел, а на лице вспыхнула зловещая ухмылка.

—

Да потому что через пару минут сюда нагрянет штурмовой отряд ИГН

-

Контроля. И если ты до этого времени не подпишешь договор, я воспользуюсь компроматом из своего ящика. Там всё подробно описано: как ты в одиночку устроил кибератаку в прямом эфире на гегемона ЮСШ. Звучит, конечно, похвально, только за хактивизм в нашей стране тебя неминуемо запишут в террористы, обнулят и отправят в подземный куб, где ты будешь доживать свою жалкую жизнь в бетонной коробке на пятнадцать квадратных метров с потолками не выше двух метров.

—

Звучит как дезинформация. ChatVelum замаскировала все мои цифровые следы.

—

Эх, Алекс, не стоит льстить себе надеждой — она роковая натура. Ты действительно думаешь, что можно исчезнуть без следа в Зенит

-

Тауне, где каждый угол обтыкан IP

-

камерами, а каждый шаг фиксируется в реестре данных?

Зенит-Таун, или же Верхний город, располагался над прежней инфраструктурой на значительной высоте — туда не добирался химический смог из промышленных выбросов. Здесь же стояла башня Cubus Rubik, под постоянным контролем и наблюдением исполнительного режима ЮСШ.

Пока Алекс пытался осознать, что, возможно, где-то просчитался, в дверь вломилась группа ИГН-Контроля — с двумя задержанными.

—

Всем оставаться на местах! Любое движение — и мы применим меры контроля! — выпалил на нервах сотрудник с Glock

-

Р.

—

Агент Кэл, убавь градус пафоса и киношных реплик.

—

Есть!

—

Нам поступил официальный приказ о задержании объекта ID 77392

-

А (Алекс Церебрум). Прошу уголовно наказуемого фигуранта проявить инициативу и пройти процедуру сдерживания. — Капитан Брикс достал портативный терминал с распоряжением Агентства временного изъятия и репутационного учёта (АВИРУ).

—

Да вот же эта гнида, привязанная к шесту! — Агент Кэл приблизился к Алексу и присел на корточки. — Что, смотрю, шлюхой заделался?

—

Агент Кэл, ты уже переступаешь дозволенную черту, — недовольно бросила Нэнси.

—

Завались ты уже и не мешай мне проводить задержание! Ну что, Алекс, давай развлечёмся?

—

Я бы лучше предпочёл твою жену.

—

Ну всё, сука, тебе... — Агент Кэл приставил к голове Glock

-

Р.

—

Командир, ну вы видите, что он неуправляемый? — подхватил Дэрил.

—

Я с ним разберусь, а вы следите за этими задержанными. — Капитан Брикс устремился к танцполу. — Агент Кэл, держите себя под контролем.

—

Была бы моя воля, я бы тебя на месте пристрелил. — Он сунул оружие в оперативную портупею.

Капитан Брикс подошёл к Алексу, чтобы зафиксировать протокол.

—

Подтверждаю санкцию АВИРУ по объекту 77392

-

А.

—

Пока командир занят отчётностью, я займусь самым любимым процессом задержания. — Агент Кэл вынул с пояса цифровой парфорс. Устройство выглядело как собачий ошейник с шипами, но с токопроводящими кабелями и таймером, на котором стояло фиксированное время — двадцать четыре часа.

Цифровой парфорс захлопнулся на шее Алекса, соскабливая кожу, и тут же запустил протокол заморозки ИГН-репутации. Алекс невольно скорчился от болевого рефлекса и прошептал:

—
Да ты ещё тот извращенец и садист.

—
Возможно. Только на мне нет ошейника. А раз он на тебе — может, тогда поиграем в одну игру?

—
Наверно, в такую же, как твоя больная голова.

—
Какой догадливый. Командир, сколько у меня ещё есть времени?

—
Резервирую куб в секторе D
-
4, уровень двенадцать, — коротко ответил Капитан Брикс.

—
Значит, примерно пять минут ещё есть. Тогда не будем медлить. Ты упоминал мою жену?

—
И что, будешь мстить? По тебе же видно, что ты злопамятная мразь.

Агент Кэл растянул губы в ухмылке, больше похожей на хищный оскал.

—
А ты у нас серьёзная персона, потому Агентство АВИРУ разрешило использовать НП
-
уровень шесть. Но так как ты меня сильно задел, я повышу до восьми — и плевать мне на рамки протокола.

НП-уровень (уровень нейроподавления) — внутренний индекс АВИРУ, определяющий степень воздействия «Цифрового парфорса» на нервную систему объекта. Рассчитывается системой на основе ИГН-риска, биометрии и статуса.

—
Кто бы сомневался... — Алекс успел выдать полуфразу, когда по позвоночнику прошла ледяная волна — не боль, а именно отсутствие контроля. Мышцы перестали слушаться, будто кто

-
то выдернул из тела все провода. Он стиснул зубы, пытаясь хотя бы дёрнуть пальцем, но система держала идеально: ровно столько, чтобы он не мог двигаться, но слишком хорошо понимал, что происходит.

—
А знаешь, почему именно восемь, не меньше и не больше? Я называю этот режим «полная блокада моторики при сохранении сознания». Ты ещё можешь соображать, но контролировать себя уже нет.

—
Агент Кэл, только выше не поднимай. Нам нужен вменяемый, а не овощ.

—
С этим, пожалуй, соглашусь.

Тем временем на цифровом парфоре вспыхнул таймер до автоматического обнуления: 23:59:37.

Продолжение следует...